

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

FICTIONAL TEXT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

S. Mamedova

Annotation

The article deals with the fictional text as an object of linguistic analysis. It is noted that the literary text provides material for linguistic analysis in many different aspects, and the results are interesting not only for linguistics but also for cultural studies, sociology, philosophy and psychology. Modern cognitive linguistics research focuses on the idea of identifying significant fragments of the national language picture of the world, manifested in a literary text. The article analyzes the novel "Freedom" by A. Masoud. Written at the turn of the century and dedicated to the most painful period in the history of modern Azerbaijan, novelistic discourse reflects the collective narrative and fully complies with the "people's stream of consciousness." In terms of structural and semantic relationship novel corresponds to a true narrative, so that the addressee of discourse fully identifies himself with its ideology.

Keywords: artistic text, modern linguistics, concept, cognitive analysis, discourse.

Мамедова Севиндж Яшар гызы
Преподаватель, Азербайджанский
государственный пед. университет,
г. Баку, Азербайджан

Аннотация

Статья посвящена художественному тексту как объекту лингвистического анализа. Отмечается, что художественный текст предоставляет материал для лингвистического анализа в самых разных аспектах, а его результаты интересны не только для языкознания, но и для культурологии, социологии, философии и психологии. Современная когнитивная лингвистика ориентирует исследовательскую мысль на выявление существенных фрагментов национально-языковой картины мира, манифестируемых в художественном тексте. В статье анализируется роман А. Масуд "Свобода". Написанный на рубеже веков и посвященный самому болезненному периоду истории современного Азербайджана, романский дискурс отражает коллективный нарратив и полностью соответствует "потoku народного сознания". В структурно-семантическом отношении роман соответствует подлинному нарративу, вследствие чего адресат дискурса полностью солидаризируется с его идеологией.

Ключевые слова:

Художественный текст, современная лингвистика, концепт, когнитивный анализ, дискурс.

В современной лингвистике текст рассматривается как основной объект изучения. Если под современной лингвистикой понимать когнитивную парадигму, то именно текст позволяет делать выводы относительно картины мира того народа, на языке которого этот текст написан. Справедливости ради необходимо отметить, что и системно-структурное языкознание считало текст единственным реальным семиотическим пространством исследования. При этом отмечалась такая фундаментальная особенность текста, как его дискретность. Кроме того, дискретность текста коррелировала с дискретностью языка [4, с.50–51]. Именно это обстоятельство позволяло выделять и исследовать в системном виде все языковые единицы от моделей предложений и словосочетаний до фонем. Банальной является мысль о том, что язык нам дан всегда в форме текста, члена который, мы и добываем информацию о языке.

Совершенно особое звучание приобретает текст в рамках когнитивного языкознания. В этом случае дискретность текста служит не выделению языковых единиц

различного уровня, а определению фундаментальных концептов, организующих тот ментальный феномен, который сегодня принято называть картиной мира или языковой картиной мира. Считается, что важнейшие для картины мира концепты вербализуются и только таким образом становятся очевидными для нас, как для носителей соответствующей ментальности, а также для "других", как для носителей иной ментальности. На первый взгляд кажется вполне справедливым связывать вербализацию с отдельными лексическими единицами. Например, правомерно думать, что концепт "справедливость" вербализуется в русском языке в содержании лексической единицы справедливость. Однако в этом случае налицо некоторое противоречие. Например, если концепт представляет собой ментальное понятие и таким образом фрагмент картины мира, т.е. коллективного сознания того или иного народа, определяемого как его менталитет, то он включает в себя не только содержание понятия, но и исторически сложившиеся представления о том явлении, которое обозначается словом. Так, концепт "справедливость" в картине мира русского народа не может быть

равен содержанию лексической единицы справедливость. Дело в том, что здесь фактически речь должна идти не о содержании лексической единицы справедливость, а о содержании понятия "справедливость", составляющего сигнификат или интенционал лексического значения. Актуально также разграничение понятийного и концептуального содержания. Проблема, на наш взгляд, заключается в разграничении денотата лексического значения и содержания концепта. Поскольку под первым понимается чаще всего типизированное представление об объектах, обозначаемых словом [5, с.88], под вторым – историко-культурно обусловленное представление народа о вещах и явлениях. Вопрос в том, может ли денотат быть лишен таких историко-культурно обусловленных представлений о вещах? Иными словами, наши типизированные представления о предметах и явлениях соприкасаются или не соприкасаются с теми представлениями, которые вслед за С.А. Аскольдовым [1, с.43–44] мы связываем с концептуальным содержанием? Если содержание концепта определяет картину мира, характерную для этнического мышления, а слово только служит ключом к данному пространству, то, видимо, целесообразно разграничивать слова как знаки, охватывающие некоторое множество однородных предметов, о которых носители языка имеют какое-то представление, когда знак на подсознательном уровне актуализирует образ предмета, и слова как ключевые сигналы к фрагменту картины мира, осознанно воспринимаемому в его исторической и культурной неповторимости. В этом случае содержание, стоящее за словом, не ограничивается его лексическим значением, слово только своего рода пароль, позволяющий понять, о чем идет речь. Содержание, стоящее за этим словом, раскрывается посредством множества других языковых единиц и текстов.

Художественный текст воспринимается нами как пространство, содержащее информацию различного рода и соответственно предполагающее анализ на различных уровнях. Чисто лингвистическое описание, о котором говорилось выше, носит в принципе формальный характер. Особо выделяется уровень психологического анализа, когда текст исследуется под углом выявления и интерпретации материала индивидуальной или коллективной психики. В этом аспекте, как известно, работали классики современной психологии, З.Фрейд, К.Г.Юнг, Э.Фромм, Л.С.Выготский и их последователи, считавшие, что анализ литературно-художественных текстов дает чрезвычайно много для понимания природы и механизма протекания психических процессов. В настоящее время, когда когнитивизм, будучи глобальным научным подходом, объединил языкознание и литературоведение под углом изучения сущности приобретения человеком знаний о мире и о себе, художественный текст стал рассматриваться как тип мышления, тип рефлексивного сознания. Цели и задачи когнитивизма стимулируют анализ литературных произведений в самых разных аспектах

выявления архетипов универсально-общечеловеческого мышления, национально-специфических стереотипов восприятия и оценивания фактов действительности, опрелеления и интерпретации фундаментальных для национального менталитета концептов, прецедентных для этноса феноменов и имен и т.д. Конкретные задачи когнитивного анализа, как правило, мотивируются общей стратегией исследования, но при этом, на наш взгляд, неизменным остается два обстоятельства. Во-первых, материал художественного произведения побуждает игнорировать формальные различия между языкознанием и литературоведением. Во-вторых, художественный текст анализируется как "поток сознания". В данном случае выражение "поток сознания" следует интерпретировать не как известный литературоведческий термин, обозначающий прием изображения внутреннего мира персонажа у Дж.Джойса или у У.Фолкнера, а как пространство манифестации нарративной психики, как самого писателя, так и его персонажей. При этом мы исходим из того положения, что художественный текст представляет собой разновидность мышления, как индивидуального, так и коллективного.

Особый интерес для современного языкознания представляет внутренняя речь персонажей, поскольку она дает материал для изучения в самых разных аспектах. Внутренняя речь, безусловно, представляет богатейший материал для когнитивного анализа, поскольку в ней, как правило, реализуется содержание фундаментальных для картины мира концептов. Внутренняя речь персонажа носит очевидный социо-культурный и историко-культурный характер, ее анализ выявляет стереотипы национального мышления. Наконец, внутренняя речь персонажа предоставляет ценнейший материал для аналитической психологии. В этом смысле важен и собственно поток сознания, поскольку подлинный нарратор выговаривается, структурируя такого рода поток. Широко известно утверждение психотерапевтов о том, что больному не следует задавать вопросов, когда он говорит, недопустимо его перебивать. Всё, что нужно врачу, он и сам скажет, надо просто его внимательно слушать. Экстраполируя эти слова на лингвистический дискурс, можно сказать, что внутреннюю речь персонажа, как, впрочем, и автора, надо просто внимательно изучать и без традиционно филологических предвзятостей. Иногда внутренняя речь персонажа вполне закономерно идентифицируется с внутренней речью самого автора произведения. Когда выговаривается персонаж, на самом деле выговаривается автор. Одновременно, если автору удастся подняться на подлинно нарративный уровень сознания и дискурса, то он становится реальным выразителем коллективной психики, все равно на уровне этноса-народа-нации или определенной социальной группы. Известно, что таков дискурс сознания героев Ф.М.Достоевского. Достаточно вспомнить героя "Записок из подполья". Сознание личности, находящейся в стадии интенсивного

формирования, совершенно гениально манифестируется в "Подростке".

В современной азербайджанской литературе особое место занимает роман Афаг Масуд "Свобода". Роман представляет интерес для исследователя литературы переходного периода в самых разных аспектах. Но, на наш взгляд, важнейшей особенностью этого произведения является адекватное изображение внутреннего состояния не отдельных людей, а всего народа в переломный для его истории момент. Внутреннее же состояние передается посредством мастерского изображения "потока сознания", но в данном случае потока коллективного сознания. Вообще в романе "Свобода" на переднем плане выделено представлено коллективное сознание.

Следует также отметить, что в романе представлен нарративный тип повествования. Автор ничего не говорит от себя, он все время ссылается на коллективный дискурс. Формально эту функцию отсылки к коллективному мнению выражает форма третьего лица множественного числа настоящего времени от глагола demək (сказать) – deyirlər (сказывают–говорят). Подобный тип повествования, основанный на передаче чужого, не своего, а коллективного мнения, сопровождает в основном весь роман, только иногда уступая место авторскому повествованию. Однако, поскольку эта формула доминирует во внешней структуре текста, даже там, где эта формула отсутствует, дискурс воспринимается как бы в передаче чужого, другого, не от первого лица. Например: "Deyirdilər, hərbi səhərcikdə olənlər, eyni qandan, eyni millətdən olan həmvətənlər idi. İqtidar tərəfindən gecə ilə gizlicə səhərdən uzaq kazarmaya gəndərilən silahla dəstə deyilənə görə, dövlətin tabəçiliyindən səxan hərbi hissəni tərkisilah etmək məqsədi ilə qəflətən kazarmaya daxil olmus, nəticədə qardas qərgənə torənmisdi" [6, с.11–12]. Можно следующим образом перевести этот текст: "Говорят, погибшие в военном городке были нашими единокровными соотечественниками. Правительство тайно посылает в расположенную за городом казарму вооруженный отряд, который, как говорят, должен был разоружить вышедшую из повиновения часть, в результате чего происходит братоубийственная бойня".

Или: "Deyirdilər, bu qanlı qiyamətdən təsvisə düşən hökumət rəhbərləri baslarnə itirib hərəsi bir yana qəcməsdə. İtkin düşmüs iqtidar nümayəndələrini tapıb xalqın məhkəməsinə vermək üçün təcili surətdə komissiyavari bir dəstə seçilib faciənin mahiyyətini aydınlaşdırmaq məqsədilə hadisə yerinə gəndərilmişdi" [6, с.12] – "Говорят, охваченные ужасом государственные деятели разбежались кто куда. Срочно создается что–то вроде комиссии, которая должна была отыскать разбежавшихся членов правительства с тем, чтобы они предстали перед судом. Для выяснения обстоятельств трагедии они были направлены к месту происшествия".

Или вводится дополнительное слово camaat. Этот арабизм чаще всего передается по–русски как люди. Но в этимологическом корне этого слова имеется представление о "всех", следовательно, не просто люди, а все люди. Конечно, данный нюанс связан с внутренней формой иноязычного по происхождению слова, но в контексте он актуализируется. "Camaatən bir qismi deyirdi ki, onlarən axəgə elə–belə də olmalə idi" [6, с.12]. "Некоторые говорили, что они так и должны были закончить". Здесь русское некоторые призвано заменить азербайджанское Camaatən bir qismi, т.е. буквально "одна часть всех".

Или: "Bu, nə idisə, görünməmiş bir şey idi.. – camaat danəsərdə", "Cox guman ki, – deyirdilər, – onlarən həməsənə tutub dama basacaqdılar" [6, с.12]. – "Это было что–то невиданное, – люди говорили", "По всей видимости, – говорили, – их всех посадят".

Формула остается прежней, но изменяется ссылка на нарратора, т.е. "говорит не он, а кто–то", он всего лишь передает чьи–то слова. Например: "Prezidentə nəhayət çatmışdı ki, – bəzi ticarətçilər gözlərindən qəgəlcəm səxə səxə danəsərdələr – ... sən demə, xalqa siyasi, mənzəvi, hüquqi azadlıq yox, adicə qarən azadlığa lazəm imis" [6, с.31]. – "До президента, наконец, дошло, что некоторые торговые работники с горящими глазами говорили о том, что, оказывается, народу нужны вовсе не политическая, нравственная, юридическая свобода, а обыкновенная свобода желудка".

"Ola bilər, ola bilər", – əlyazmalar İnstitutunun direktoru televiziya ilə verdiyi müsahibədə deyirdi [6, с.32]. "Может быть, может быть, – говорил в своем интервью на телевидении директор института рукописей". На протяжении всего дискурса романа оказывается востребованным вертикальный контекст. За его пределами на самом деле многое непонятно. Однако в данном фрагменте это может быть, может быть рассчитано не просто на солидарность массового сознания, а на его понимание. За этим может быть, может быть стоит очень большой объем фоновой информации. Бывший президент был востоковедом, и о нем ходили самые разные слухи. Может быть, может быть в устах директора рукописного фонда означает всё и ничего конкретно. Характерно, что не будучи отнесено ни к чему конкретному, оно актуализирует всё.

Или: "Gorəsən onda prezident nə fəkirləsirdi – Azadlıq partiyasənən səfakes uzvləri narahət uzlərlə deyirdi" [6, с.34]. "Интересно, о чем думал тогда президент – говорили обеспокоенные члены партии Свобода".

Или: "Bu, lap Oktyabr inqilabə dövründə bolşevik ideoloqlarənən sənət adamlarənə məhv edib kommunist ideologiyasənə qulluq edən fəhlə–kəndli mənzəli yeni sənətkarlarə, sosialist–realizmi ruhunu asəlayan yazəcələrə yetirməyənə oxsayərdə... – ədəbiyyatçılar deyirdi" [6, с.37]. –

"Прямо как в эпоху Октябрьской революции они уничтожали людей искусства, а вместо них пытались воспитать рабоче-крестьянскую интеллигенцию, проводников соц-реализма". Или: "Prezidentə məxsus protokoldaxili davranəs qayda-qanunu onu lap dərəxdəgərdə... –prezident musayətinin əməkdaşlarə danəsərdə" [6, с.38]. – "Поведение в соответствии с президентским протоколом его ужасно утомляло... – говорили сотрудники президентской охраны".

Таким образом, в романе представлены все участники народного карнавала. Ясно, что эти перечисленные адресанты представляют собой своеобразные маски народного гулянья. Безусловно, здесь имеет место и карнавализация, понятие, теоретически разработанное и введенное М.М.Бахтиным. Как отмечает В.Руднев, "КАРНАВАЛИЗАЦИЯ – семиотическая теория карнавала, изложенная М.М.Бахтиным в его книге о Рабле. Смысл концепции Бахтина в том, что он применил понятие карнавала, ежегодного праздника перед великим постом, ко всем явлениям культуры Нового времени. В центре концепции К. – идея об "инверсии двоичных противопоставлений", то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций. Когда народ выходит на карнавальную площадь, он прощается со всем мирским перед долгим постом, и все основные оппозиции христианской культуры и все бытовые представления меняются местами. Королем карнавала становится нищий или дурак, трикстер. И ему воздают королевские почести. Назначается также карнавальным епископом, и кощунственно оскверняются христианские святыни" [3, с.173].

Нарративный характер повествования в романе подтверждается двумя факторами. С одной стороны, это находит отражение, как уже отмечалось, в фольклорно-ащугском характере дискурса, формальным элементом которого является формула "deyirlər", "deyilənə gərə", "səmaət deyir" и т.д. С другой стороны, автор повествования не упускает ни одну деталь из событий тех лет. Все, что имело место, со скрупулезностью перечисляется в романе. Причем важно не только то, что все эти события и явления перечисляются, но и то, что им дается народная интерпретация, т.е. без каких бы то ни было изменений даются слухи, даются подлинные слова, передаваемые людьми друг другу. В этом смысле, конечно, роман похож не столько на художественное произведение, сколько на буквальную запись слухов. Например: "Sonra bir ara xəbər yayəldə ki, yeni hokumət hansəsə xarici dovlətdən xəyli miqdarda un aləb və daha səmaət corək sarədan ziyuyət səkməyəsək. Vəh-bəh, corəklər bisirilib dukanlara payləndə Corək nə corək.. Ağzəna qoymagənla, tikənin suruskən plastilinə conub damagəna yurəsmagə bir olurdu. Sonradan məlum oldu ki, yuxarəda oturanlardan kimsə, hənsəsə xarici dovlətlə müqavilə bağlayəb səhər səmaətənən qarnənə doyuran həcmdə ucuz kombikorm aləb" [6, с.18]. – "Потом вдруг поползли слухи о том, что новое правительство за-

купило где-то за границей много муки, и народ больше не будет страдать от нехватки хлеба. Ура, ура! Хлеба выпекались и раздавались по магазинам. Ну и хлеб! Не успеваешь положить в рот, как он превращается в пластилин и прилипает к нёбу. Потом выяснилось, что некто из вышестоящих закупил по дешевке комбикорм и решил набить им голодные желудки".

Отмеченные особенности языка романа "Свобода" позволяют отнести его к нарративному знанию, что, на наш взгляд, составляет важнейшую особенность этого текста. Дело в том, что, будучи нарративным дискурсом, дискурс романа "Свобода" апеллирует к сознанию "своего", человека не просто той же самой культуры, но и того же самого восприятия мира и событий, создающих этот мир. Здесь следует также отметить, что когнитивно осмысленным является как выражение всевозможных страхов, органически присущих современному человеку и определяющих его психологический облик, так и представлений о "запретах". Мир представлений о должном также носит подсознательно-когнитивный характер. Поэтому в принципе бессознательны обращения к адресату, основанные на своеобразном самовыгораживании. Нарратор прячется за спину коллективных представлений, за спину этнического сознания вообще. В этом смысле чисто формальный или стилистический характер носят любые конкретизации нарратора. Например, или просто "говорят", или "говорят ученые", "говорят булочники", "говорят телохранители", "говорят завмаги" и т.д.

Важнейшей особенностью такого рода дискурса является подсознательная надежда на то, что фрагменты дискурса будут переданы дальше. Антинаучность такого дискурса обусловлена именно подсознательной уверенностью в том, что слушатели обязательно поймут тебя так, как и ты сам себя понимаешь. Иначе они просто не могут понять. Здесь даже нет расчета на взаимопонимание, взаимопонимание принимается подсознательно как факт. Как отмечает В.А.Канке, "Сравнение нарративного и научного знаний выявляет ряд любопытных особенностей. Нарративный рассказ принимается повествователем и слушателем в качестве легитимного (законного), поскольку оба принадлежат к одной и той же культуре, предание переходит от одного члена сообщества к другому. Так передается набор прагматических правил, здесь даже нет сколько-нибудь разветвленных аргументаций и доказательств. В нарративном рассказе денотативные, перформативные и прескриптивные высказывания образуют синкретическое единство. Легитимность наррации не является проблемой, она считается чем-то естественным, не нуждающимся в обосновании" [2, с.115-116].

В этом высказывании обращает на себя внимание два момента. Во-первых, введение понятия "прагматическое правило". Во-вторых, утверждение о том, что "леги-

тимность наррации не является проблемой, она считается чем-то естественным, не нуждающимся в обосновании".

Суть прагматического правила заключается в том, что то или иное предписание, будучи нормой, правилом, тем не менее не вызывает возражений. Отсутствие возражения непосредственно отражает прагматический характер правила. Иначе говоря, коллектив добровольно подчиняется правилу, так как сознает его целесообразность. Именно к этому чувству, т.е. к сознанию целесообразности правил, от которых отказались "создатели нового мира", стремящиеся к "свободе", и обращается автор романа. При этом никогда на протяжении всего романного дискурса не утрачивается, не изменяется коллективный характер адресата, апелляция к которому все время имеет место. Апелляция к коллективному разуму приглашает

соглашаться с прагматическим характером действующих правил, соглашаться с мнением нарратора о том, что правило не утратило своего прагматического характера. В этом смысле, разумеется, центральное место в романе занимает дискурсивное неприятие "свободы" как некоторого абстрактного понятия. При этом обычным является обращение к коллективу, к его интуитивному и подсознательному знанию, а вовсе не теоретическому и осмысленному рационально.

Рассмотренный художественный текст реализует содержание фундаментальных для современного азербайджанского сознания концептов. Если говорить о картине мира, то, на наш взгляд, дискурс романа вербализует стереотипы, сформировавшиеся в самое последнее время. Это и делает дискурс романа сродни древним нарративам, сохранившимся в форме эпических дастанов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Сборник под редакцией Л. В. Щербы. Л.: ACADEMIA, 1928, с.28–44.
2. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. М.: Логос, 2000.
3. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001.
4. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971.
5. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.
6. Məsud A. Azadlıq (roman). Bakı: Azərbaycan Tərcümə Mərkəzi, 1999.

© С.Я. Мамедова, (mammadova62@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

